

NOVELA

Позволь тебя спасти

16+

Novela

Позволь тебя спасти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43469487

SelfPub; 2019

Аннотация

Прошло два года, как не стало его жены и жизнь утратила смысл. Ему казалось, что пустота в душе никогда не заполнится. Но Лукас и представить не мог, что его история начнет меняться в тот день, когда он вернется в свой родной город.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	19
Глава третья	25
Глава четвертая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава первая

Я толкаю дверь в бар «Пристанище Джо», и она с привычным скрипом открывается. Наверное, за те годы, что я тут не был, ее нечасто смазывали. Ступая внутрь, я вижу, что тут почти ничего не изменилось: те же старые облупившиеся столы и стулья, древний музыкальный автомат в углу, запыленные лампы над старыми бильярдными столами, и что самое главное, – лица почти все те же. Старик Мелори, к девяти вечера напившийся вдрызг, почти уснул за барной стойкой. Вивьен Берри, главная прилипала Диллана, вечно околачивающаяся по злачным местам в поисках веселья и выпивки. Глядя сейчас на то, как она вешается на Бойда Харольда, владельца автомастерской, я замечаю, что годы не пощадили ее. Даже под густым слоем косметики заметно, что Вивьен уже давно разменяла четвертый десяток. Еще во времена моей юности многие парни из школы лишались невинности с помощью Вивьен Берри, всегда готовой прийти на выручку неопытным пацанам.

В дальнем углу бара уже зреет разборка, которую устроили братья Стинсоны – главная болячка Диллана. Эд и Сем что-то не поделили с Теренсом Ферреем. Скорее всего, братья проиграли в бильярд и не желают расставаться с деньгами.

Направляясь к барной стойке, я слегка ухмыляюсь. Здесь и правда все по-прежнему, и это осознание отчего-то греет мне душу.

Я дома.

Некоторые узнают меня и здороваются. Интересуются, где я пропадал все это время и как мои дела. Стандартный набор вопросов, которые вы можете ожидать, вернувшись в маленький городок после долгих лет отсутствия. Я же отделеваюсь привычной фразой: «У меня все отлично».

Возле бара я здороваюсь с Джо, который за последние десять лет значительно прибавил в весе и лишился большей части своей шевелюры. Узнав меня, Джо расплывается в улыбке, пожимает мне руку и хлопает по плечу. Я улыбаюсь в ответ, и это происходит искренне. Я правда рад видеть Джо. В школе мы с ребятами часто приходили сюда убить вечер за партией в бильярд и выпить пива. Мы были несовершеннолетними, но Джо закрывал глаза на это, и продавал нам по бутылочке пива. В «Пристанище Джо» для нас всегда было место.

Я заказываю бутылку «Будвайзера» и, пока Джо протирает запотевшее стекло тряпкой, интересуюсь его делами. Я удивлен, узнав, что Джо вот уже четыре года как примерный семьянин и у него подрастают мальчики-близнецы. Я рад за Джо и поздравляю его.

Сделав глоток холодного пива, я вновь уклончиво отвечаю на вопросы старого приятеля о своей жизни. Я говорю,

что состою на службе в ВВС, что доволен своей работой и пока что не обзавелся семьей. О чем я молчу, так это о Дженнифер. Но о ней я молчу почти всегда. Она глубоко внутри меня – там, где никто не может увидеть и вопросами о ней разбередить все еще незажившую рану.

– Так, так, так! Да неужто это сам Лукас Хантер?

Про себя я чертыхаюсь, когда Вивьен, узнав меня, приближается. У нее нетвердая походка из-за выпитого алкоголя, и густо накрашенные глаза немного косят. Вивьен уже достаточно близко, и меня обдает запахами ее приторно-сладких дешевых духов, табачного дыма и пота. Желая увеличить расстояние между нами, я отстраняюсь назад.

– Вивьен, – не желая быть грубым, я слегка киваю. Ее губы растягиваются в улыбке, очевидно от того, что я узнал ее.

– Значит, малыш вернулся в родные края? – вскинув накрашенную бровь, заплетающимся языком выговаривает Вивьен.

– Вив, отстань от парня, – требует Джо. Я же оглядываю зал, надеясь найти здесь Бена.

– Джо, милый, а что я такого сказала?

К своему облегчению и радости, я замечаю старого друга за дальним бильярдным столом. Он не один, а в компании девушек и парней, и кажется, они не скучают. Я киваю Джо, еще раз говорю, что был рад увидаться и направляюсь к Бену с компанией.

Когда я подхожу ближе, Бен замечает меня и его все

еще мальчишеское лицо принимает удивленно-недоверчивый восторженный вид. Слегка киваю, как бы подтверждая, что это действительно я, улыбаюсь и вот уже мы с Беном обнимаем друг друга, хлопая друг друга по спине.

– Твою ж мать! – выкрикивает Бен, отстранившись от меня. Его взгляд все еще полон недоверия. – Это же сам Лукас Хантер! Каким ветром тебя занесло в Диллан?

Я пожимаю плечами и объясняю, что у меня отпуск, который я решил провести в родном городе. Мне также необходимо наконец разобраться с домом, который мама оставила после своей смерти. Прошло уже более трех лет, а дом у озера так и пустует.

Мы обмениваемся самыми значительными новостями, которые случились с нами за то время, что мы не виделись. Бен знакомит меня со своей невестой, Тайрой. Это симпатичная, приятная на вид блондинка, и с Беном они хорошо смотрятся вместе. С ними еще двое парней, Уилл и Джимми. Уилл приходится родным братом Тайры, а Джимми компаньон Бена. Оказывается, друг открыл небольшую фирму по ремонту домов.

С ними еще одна девушка. Пока я знакомлюсь со всеми, она тихо сидит на подоконнике, поджав одну ногу под себя. Когда Бен оборачивается к ней, девушка ловко соскакивает с подоконника и, опережая его, протягивает руку мне и представляется:

– Клем, младшая сестра Бена.

Пожимая ее маленькую ладошку, я недоверчиво качаю головой.

– Младшей сестре Бена десять, у нее брекеты на зубах и все лицо в веснушках.

Это такой я ее запомнил. Сейчас же передо мной стоит взрослая, симпатичная девушка с шикарными светло-русыми волосами и улыбается слегка застенчивой улыбкой.

Клем смеется над моими словами, но я и правда поражен. В последний раз, когда я видел ее, она была нескладной, угловатой девочкой, одиннадцати или двенадцати лет. Она везде таскала за собой старого лохматого пса и была прилипалой. Мы с Беном часто убегали и прятались, только бы его сестра не обнаружила нас и не увязалась следом.

– Наша Клем слегка подросла, – легонько дернув сестру за волосы, с гордостью заявил Бен.

– Десять лет прошло, – напоминает Клем, просто пожимая плечами.

– Но это все еще не значит, что ты можешь носить на себе такое в этом баре, – бурчит Бен, неодобрительно оглядывая наряд сестры.

Клем закатывает глаза и легонько фыркает, давая понять, что мнение брата в этом вопросе для нее не авторитет.

На Клем короткие обрезанные джинсовые шорты, клетчатая рубашка и ковбойские сапожки. Я понимаю беспокойство Бена: я бы тоже не хотел, чтобы моя сестра щеголяла в таком виде перед пьяными завсегдатаями бара. К тому же,

если сестра такая привлекательная.

Мы заказываем еще по пиву, вспоминая старые времена, неторопливо загоняя шары в лузы. Я узнаю, что через четыре недели у Бена с Тайрой свадьба, и я приглашен. Не знаю, буду ли еще тут к тому времени, поэтому я так и говорю, ничего не обещая. В момент, когда Бен оказывается рядом, он наклоняется ко мне и шепчет, чтобы никто не слышал:

– Сочувствую насчет Дженнифер.

Больше ничего не сказав, он возвращается к столу. Его очередь бить. Какое-то мгновение мне кажется, что я не смогу контролировать себя и на глаза выступают слезы. Я смаргиваю, но ничего не происходит.

Бен знает. Наверное, многие знают. Глупо было надеяться, что это удастся скрыть.

Я делаю глоток за глотком, потом подхожу к столу и ударяю кием о шар. Он падает в лузу.

Я делаю вид, что ничего не произошло.

Когда я просыпаюсь, яркий солнечный свет бьет мне в глаза. Недовольно ворча, поворачиваюсь на бок и оказываюсь на полу. Я не помню, как оказался на диване в гостиной. Не помню, как добрался домой. Но припоминаю, что пива вчера было более чем достаточно. А еще виски.

Встретившись с Беном после долгих лет, мы отметили встречу. И вовремя не остановились. Поэтому сейчас у меня чертовски болит голова и состояние препаршивое. Давно я

так не напивался. Только в первые месяцы после...

Я обрываю мысль, не давая ей развиваться. Нет, только не сейчас. Не теперь.

Следуя на кухню за спасительной водой, чтобы потушить пожар во рту, я пытаюсь вспомнить, как вчера оказался дома. И кто заботливо укрыл меня пледом, очевидно не желая, чтобы я замерз. Под утро на озере бывает прохладно даже летом.

Пока я осушаю третий стакан воды, в голову ничего так и не приходит. Возможно, я сам как-то добрался домой? Но это вряд ли. Я бы не смог вести машину. И уж точно не стоял бы сейчас здесь, а в лучшем случае – где-нибудь на обочине, столкнувшись с деревом или чьим-нибудь ограждением.

Сполоснув стакан, я ставлю его на сушилку и в этот момент через окно кухни вижу, как темно-синий «Форд»-пикап въезжает во двор. Двигатель глохнет, открывается дверь, и Клем Стивенс спрыгивает на землю. Я выхожу из дома, когда Клем поднимается на крыльцо.

– Здравствуй! – она с сочувствием улыбается, выглядя очень бодро. – Решила проверить, как ты тут после вчерашнего.

Я морщусь и опускаюсь на деревянные ступени. Мой вид говорит лучше любых слов.

– Это ты привезла меня вчера? – отчего-то предполагаю я и, к моему удивлению, Клем кивает.

– Сам бы ты не справился.

Она садится рядом, и я чувствую приятный аромат, который окружает ее. Так пахнет свежесть, лето и юность. В этот момент я завидую Клем: в ней столько сил и выглядит она такой аккуратненькой. Простой летний сарафан с неброским цветочным узором, бежевые сандалии из мягкой кожи; локонны собраны в низкий хвост.

Наша разница составляет около десяти лет, но я чувствую себя стариком рядом с этой девушкой. Разбитым и больным. А ведь было время, когда мог кутить всю ночь напролет, и утром чувствовать себя прекрасно.

Похлопав себя по карманам джинсов, я нахожу мятую пачку «Мальборо» и зажигалку. Вытряхиваю одну сигарету и прикуриваю. Клем морщит нос и слегка отодвигается.

– Не боишься заболеть раком? – осуждающим тоном спрашивает она.

Мельком взглянув на нее, я делаю большую затяжку и выпускаю дым в сторону.

– Нет.

Мне не хочется объяснять, что вот уже два года, как перестал бояться. Всего. Даже когда провожу испытательные полеты, и есть шанс не вернуться на землю, я не испытываю страха.

Мне кажется, что Клем хочет что-то сказать, но лишь открыв рот, она вновь его закрывает и мы сидим молча несколько минут. Солнце играет в ее волосах, в его бликах я вижу несколько веснушек у нее на носу. Все, что осталось с

тех пор, как она была ребенком.

Неожиданно Клем поднимается и, отряхнув сарафан, спрашивает:

– Что у тебя есть в холодильнике?

Ее вопрос приводит меня в растерянность. Как от разговора о раке мы перешли к содержимому моего холодильника? Или сейчас я так туго соображаю, что мне трудно улавливать ход ее мыслей?

– Не знаю, – Я дергаю плечами. – Молоко, яйца, может, бекон. Я купил вчера кое-что, но немного.

– Этого достаточно, – Клем машет рукой. – Тебе нужно поесть, я приготовлю тебе омлет. Или что из яиц ты предпочитаешь?

При мысли о еде мой желудок скручивает спазм.

– Знаешь, я не хочу есть.

Мои слова ничуть не убедили Клем. Она несогласно качает головой.

– При таком похмелье, как у тебя, поесть просто необходимо. Вот увидишь, тебе станет легче.

Я сильно сомневаюсь на этот счет, но спорить с Клем нет сил.

– Знаешь, я бы не отказался от кофе.

Если уж она решила приготовить мне завтрак, то пусть заодно и кофе сварит. Чашка крепкого кофе должна поднять меня на ноги.

– А кофе у тебя есть? – вскидывает бровь Клем. Я киваю

и расплачиваюсь за это сильным импульсом боли, поступившим в голову.

– Я сделаю, а ты можешь пока в душ сходить.

Эта идея мне нравится, и после второй сигареты я возвращаюсь в дом. Из кухни я слышу, как Клем что-то напевает себе под нос. *Невольно это возвращает меня назад: Дженинифер готовит мне завтрак, весело бубня себе что-то под нос, и как бы я ни прислушивался, не могу разобрать, что поет Дженини.*

Сердце пронзает острая боль, и я вспоминаю кое-что еще: за последние два года никто не готовил специально для меня.

Внезапно возникает сильное желание пойти на кухню и попросить Клем уйти. Но то, что она младшая сестра моего друга, останавливает меня. Я не хочу обидеть эту девочку, это я тоже четко понимаю. Мне не все равно.

Ванная в доме всего одна, на первом этаже. Да и сам дом небольшой. Но нам с мамой хватало. Отец ушел, когда я был совсем маленьким, поэтому я почти не помню его. Повзрослев, я не стал искать его, как это делают некоторые брошенные дети. Мне не надо было знать причину. Если за все годы, что я рос, он не пожелал знать, что со мной, значит, ему это не было нужно. Возможно, его уже нет в живых, но меня это не интересовало.

В ванной я стаскиваю футболку и швыряю ее прямо на пол, следом отправляются джинсы. Вода из душа льется холодная, я забыл включить бойлер. Но так даже лучше. Быст-

рей протрезвею.

Через несколько минут, почувствовав себя наконец живым, я выключаю воду и ищу полотенце в шкафчике, на привычном месте. Все здесь чистое и отглаженное. Спасибо тете Рут, которая присматривает за домом с тех пор, как мамы не стало.

Насухо вытершись и надев чистые джинсы с футболкой, я захожу на кухню, где пахнет свежесваренным кофе и омлетом. Вопреки моему ожиданию, содержимое желудка не подкатывает к горлу от запаха еды.

Я сажусь за стол, и Клем начинает суетиться вокруг меня. От этого мне становится неловко. В голову опять закрадывается мысль, что все неправильно. Кажется, будто Клем каким-то образом посягает на место Дженнифер. Но понимая, что это бред, я опускаю голову и прячу глаза в кружке с крепким кофе. Он, между прочим, отличный. Клем сделала так, как я люблю.

– Тебе нужно это съесть, – строгим тоном настаивает Клем, двинув тарелку с омлетом в мою сторону. – Вот увидишь, станет легче.

Я спорю несколько секунд, но все безрезультатно: Клем оказывается упрямой девчонкой. Сдаваясь, я беру вилку и начинаю есть. Омлет вкусный, но аппетита у меня так и не прибавилось. Одолев несколько кусков, я благодарю Клем и радуюсь, что она не настаивает, чтобы я все доел.

– У Бена сегодня тоже тяжелое утро, – замечает Клем, ста-

вя тарелки в раковину. Она включает воду и берет щетку для посуды. Чувство неправильности внутри меня становится сильнее.

– Знаешь, ты вообще не должна этого делать, – поднимаясь, быстро говорю я. На самом деле, я думаю, что не хочу, чтобы она это делала. Но вслух об этом не говорю.

– Да это пустяк, – Клем отмахивается от меня и начинает мыть посуду. Я же наливаю себе вторую чашку кофе и молча выхожу из кухни.

«Это младшая сестра моего лучшего друга», – напоминаю я себе. И я не хочу быть с ней грубым.

Я сижу на крыльце, допивая остывший кофе, когда дверь позади меня открывается и Клем спускается на несколько ступенек, но не садится, а облакачивается на деревянный столбик перил.

– Извини, иногда я бываю бестактной, – вздохнув, нарушает молчание Клем.

– Все нормально, – я заставляю себя улыбнуться, ну или сложить губы в подобие улыбки. Мне не хочется думать, что я такой прозрачный, и Клем без труда разгадала мои мысли. В конце концов, она не виновата, что я не совсем в согласии со своей головой последние два года. Не стоит переносить свои заморочки на посторонних людей.

Клем открывает рот, собираясь что-то сказать, но вместо этого резко вдыхает воздух и сжимает губы. Очевидно, чтобы я не разгадал ее невысказанной мысли, она поворачивает

голову в сторону озера и несколько секунд неотрывно разглядывает воду. Я же, сам того не замечая, плююсь на нее.

– Жарко сегодня, – внезапно произносит Клем, и голос ее звучит расслабленно и беззаботно. Кажется, что недавнее напряжение прошло без следа.

– Это Северная Каролина – летом здесь всегда жарко, – пожимаю плечами я, озвучивая и так очевидную истину.

– Сегодня особенно. Ужасная влажность! – Клем отталкивается от столба и, повернувшись ко мне лицом, идет к деревянному причалу задом наперед. – Не против, если я искупаюсь?

Не успеваю я и слова вымолвить, как Клем стаскивает са-рафан через голову и остается в нижнем белье. Разбегаясь, она бежит по пирсу до самого края, потом отталкивается ногами и прыгает в воду. Все это занимает несколько секунд, но мне кажется, что я не меньше часа сижу с раскрытым ртом, не совсем понимая, что происходит.

Мое удивление вполне понятно: я никак не рассчитывал увидеть младшую сестру своего друга в одном белье. И положение, в котором я оказался, было совсем неправильным. Все, связанное с Клем, было не таким.

– Вода просто замечательная! – кричит Клем в тот момент, когда я про себя уже начал чертыхаться. Возникшее чувство, что девчонка может стать проблемой, доставляет беспокойство.

– Присоединяйся! – Клем весело плещется в воде, явно

получая от этого удовольствие.

Мое терпение подходит к концу. Я думаю, ей пора заканчивать свой визит.

Я поднимаюсь с крыльца и иду в дом за полотенцем для Клем. Мне не хочется, чтобы она замерзла, даже несмотря на сильное желание избавиться от нее.

Когда я выхожу из дома, Клем уже стоит на причале и встряхивает воду из ушей. Ее волосы мокрыми колечками прилипли к лицу и плечам. Мне приходит в голову, что она выглядит забавно, и поневоле я улыбаюсь.

Подходя ближе, я стараюсь не отводить взгляд от ее лица, но все же успеваю рассмотреть ее нижнее белье. В нем нет ничего особенного: оно хлопковое, белого цвета. Женщины не надевают такое, желая соблазнить мужчину. Но в те секунды, когда мои глаза скользят по ее телу вверх, ища контакта с ее лицом, я осознаю, что делаю нечто... запретное.

– Держи, – произношу я, но вместо того, чтобы просто отдать ей полотенце, раскрываю его и набрасываю на плечи Клем.

– Спасибо, – Клем улыбается и кутается в полотенце. На ее лице ни тени смущения, словно эта ситуация совершенно нормальна, или даже привычна.

– Знаешь, у меня еще куча дел, так что... – начинаю я, надеясь, что Клем все поймет. Я лгу, потому что никаких срочных дел у меня не назначено. Я делаю это, желая остаться наедине со своими мыслями о Дженнифер. Мне кажется, что

сейчас, как никогда, я должен помнить о ней. Просто потому, что сегодня впервые за два года после ее смерти кто-то нарушил мою внутреннюю пустоту.

– Да, мне тоже пора, – Клем быстро кивает, избавляя меня от еще большей лжи. – И я так и не сказала, что мама приглашала тебя к нам на ужин сегодня. Они с отцом были рады услышать, что ты вернулся.

Я принимаю приглашение и прошу Клем передать матери, что я приду. В юности я часто бывал в гостях у Бена и его родители всегда хорошо ко мне относились. Бонусом было то, что миссис Стивенс отлично готовила.

После того, как Клем надевает сарафан, она прощается со мной до вечера и, запрыгнув в «Форд», заводит мотор. Только тут я вспоминаю, что моей машины нет перед домом. Очевидно, она до сих пор стоит на парковке у «Пристанища Джо». Поэтому я прошу Клем подкинуть меня в город. И она без вопросов соглашается.

Глава вторая

В назначенное время я останавливаю джип перед домом Стивенсов и иду к крыльцу. По дороге я заехал в магазин и купил персиковый пирог. Просто в знак уважения, хотя, как я помню, никакой пирог из магазина не сравнится с пирогами миссис Стивенс.

В лучах угасающего дня я вижу, что за все годы дом-ранчо совсем не изменился. Он все так же выкрашен бледно-желтой краской, на окнах расставлены деревянные кадки с яркими цветами, а голубые ставни приветливо раскрыты.

Я поднимаюсь на крыльцо, но прежде, чем успеваю постучать, дверь резко распахивается и расстроенная Клем налетает прямо на меня. Бросив на меня раздосадованный взгляд подозрительно блестящих глаз, она оборачивается назад и кричит:

– Бен, еще раз говорю тебе, отстань от меня! – ее голос дрожит, и в нем я улавливаю нотки истерики. – Я не хочу делать этого!

С этими словами она мчится по ступенькам и начинает бежать. В этот момент Бен вылетает из дома, но теперь я успеваю отойти, чтобы избежать столкновения. Заметив меня, друг растерянно останавливается и несколько секунд мы, как два идиота, ничего не понимая, пялимся друг на друга.

– Что здесь происходит? – наконец обретаю дар речи, понимая, что приехал не в самый удачный момент.

Бен устало проводит рукой по лбу и пожимает плечами.

– Клем все никак не желает принять действительность. Иногда она витает в облаках, и если большую часть времени это бывает мило, то порой сильно раздражает.

Я все еще ничего не понимаю, и, заметив это, Бен поясняет:

– Одна из наших лошадей, любимица Клем, умирает от рака, а моя сестра не хочет слушать врача, который сказал, что ее следует усыпить.

– Ясно, – я киваю, не зная, что еще сказать. Но через секунду добавляю, потому что мне кажется это правильным:

– Мне жаль.

Бен машет рукой:

– Забудь. Клем не маленькая, переживет.

Мы заходим в дом, и я здороваюсь с Мэри и Льюисом, родителями Бена и Клем. Они рады мне, а я понимаю, как скучал по этим людям. В те годы, что я жил здесь, они были моей второй семьей.

Бен предлагает мне пиво, и пока мы пьем, а Мэри заканчивает приготовления к ужину, я рассказываю о своей жизни на военной базе и жизни летчика-испытателя.

Мой рассказ занимает минут пять, потому что в последние годы вся моя жизнь ограничивается работой и ничего не значащими моментами.

Я рад, что никто не заговаривает со мной о Дженни. Спустя два года после ее смерти, я все еще не готов говорить об этом.

Скоро приезжает Тайра, и они с Мэри накрывают стол на заднем дворе. Льюис жарит стейки на самодельном мангале, и запах жареного мяса дразнит ноздри. Я не ел ничего с самого утра, целый день страдая от похмелья, но сейчас, когда хорошее самочувствие вернулось, я понимаю, как чертовски голоден.

Начинает смеркаться, когда мы садимся за стол. Клем так и не появилась. Я оглядываюсь в сторону хозяйственных построек, но ее нигде не видно.

Ловлю себя на мысли, что беспокоюсь за нее. Мысль нова, и она тревожит, отчего я хмурюсь, но тут же успокаиваю себя, решив, что мои чувства вызваны простой заботой о младшей сестре лучшего друга. Для меня Клем как младшая сестренка, которой у меня никогда не было.

– Может, стоит сходить за Клем? – тихо спрашиваю я, только чтобы Бен услышал.

Друг качает головой.

– Ее сейчас лучше не трогать. Она все равно не оставит Корицу одну.

В удивлении я вскидываю брови: эта лошадь была у Стивенсов еще тогда, когда мы с Беном учились в школе. Должно быть, она очень старая.

После отменного ужина в кругу старых друзей я расслаб-

ляюсь, смеюсь вместе со всеми над шутками Льюиса. Впервые за долгое время я чувствую себя почти нормально, даже хорошо. Более часа я не вспоминаю о Дженни, и, когда эта мысль возникает в голове, чувствую свою вину перед ней.

Небо, усыпанное яркими звездами, полностью темнеет. Мэри с Тайрой уносят грязную посуду в дом, и я вызываюсь помочь, но мать Бена с мягкой улыбкой отказывается.

Бен с отцом завязывают спор на тему шансов «Тар Хилс» завоевать главный кубок в университетской лиге, а я отлучаюсь, сказав, что хочу покурить.

Ноги сами несут меня на поиски Клем.

Я нахожу ее на конюшне. Клем сидит возле лежащей Корицы, кобылы рыжего окраса в белых яблоках. Дыхание с тяжелым хрипом вырывается из ноздрей животного, глаза прикрыты. Ей больно, и скорее всего, лошадь долго не протянет.

Я молчу, обхватываюсь за ограждение, наблюдая за Клем. Кажется, что она стала вдвое меньше с утра. Ее плечи подрагивают, но не слышно ни звука.

Клем плачет.

Проходит несколько минут, и я начинаю чувствовать себя глупо.

Чем я могу помочь ей? Скорее всего, я тут лишний.

Я думаю, что мне лучше уйти, но тут Клем оборачивается и смотрит на меня покрасневшими глазами.

– Думаешь, рай для животных существует? Место, где у них полная свобода, и у них нет хозяев, от которых они пол-

ностью зависят?

Ее вопрос ставит меня в тупик. Я не слишком верующий, но все же, если есть место, подобное раю, я бы хотел думать, что дорогие мне люди, которых больше нет – там.

– Я не знаю, Клем, – пожимая плечами, честно отвечаю я. – Я вообще не очень верю в существование рая или ада. Люди сами создают свой ад или рай, находясь на земле. Наверное, у животных с этим проще.

Проходит несколько мгновений, и я вижу, что Клем осмысливает мой ответ.

– Значит, ты думаешь, что там ничего нет? – она обхватывает колени руками и слегка прикусывает губу, сдерживая слезы. – Когда уходят те, кого ты любишь, это конец? Ничего не остается?

Я наклоняю голову, чувствуя, как в горле образуется ком из горечи и сожалений.

Как я могу ответить на этот вопрос? Точнее, где взять правильные слова. Разве может кто-то с уверенностью сказать, что любой ответ будет правильным... или не правильным?

Я – нет.

– Память остается, – наконец говорю я, но это слабое утешение. Я знаю это. Я сам это чувствую.

Дженни ушла, но я помню все, связанное с ней, будто это было вчера. Но это не помогает. Напротив, память делает боль почти невыносимой, осязаемой.

Клем вновь начинает гладить Корицу. Я медлю, оттого что

не хочу уходить, но так будет лучше. Я боюсь, что Клем вновь задаст мне вопрос, на который у меня нет ответа. На который я не захочу отвечать.

– Попроси Бена позвонить доктору Ранеру, – не оборачиваясь, шепчет Клем, и я едва разбираю ее слова. – Скажи, что я готова.

Я иду к Бену и передаю просьбу Клем. Через двадцать минут к дому подъезжает новенькая «Тойота-Камри».

Доктор Ранер, ветеринар, работающий в Диллане более двадцати лет.

Доктор направляется к конюшне, и Бен с отцом следуют за ним. Мне лучше уехать, что я и говорю Мэри. Мы прощаемся, и я сажусь в джип.

В свете фар я вижу, как Клем выбегает из конюшни и, прислонившись к стене, складывается пополам; обхватывает живот руками и вздрагивает от рыданий.

Я завожу двигатель, сглатываю ком в горле и уезжаю.

Глава третья

С Дженни я познакомился в двадцать два года, когда учился в лётной школе.

В нашей встрече не было ничего примечательного, за исключением того, что, увидев ее впервые, я понял – эта та женщина, с которой я хочу провести всю оставшуюся жизнь.

Мы вместе оказались в одной очереди в супермаркете, и, когда пришло время расплачиваться за покупки, Дженни обнаружила, что забыла кошелек дома. Я же поспешил прийти ей на помощь, мысленно представляя, как буду делать ей предложение. Я не был романтиком, который в каждой привлекательной девушке видел свою будущую жену и мать своих детей, но тогда, в той очереди у кассы, я не сомневался, что однажды эта девушка с пшеничного цвета волосами и прямой осанкой станет моей женой.

После того, как расплатился за покупки Дженни, мы познакомились, я пригласил ее на чашку кофе, и с тех пор мы не расставались.

Через полгода мое обучение подошло к концу, и одним июльским утром мы поднялись в воздух на старой «Сесне», где я и сделал ей предложение, надев на палец золотое колечко с камнем в полтора карата – все, на что хватило моих сбережений. Еще через два месяца мы поженились. Нас об-

венчал священник на берегу озера в присутствии шестерых гостей. Дженни хотела скромную свадьбу, и ее желание было законом для меня.

Каждый день с Дженни был счастьем. Иногда, просыпаясь рано утром, я долго смотрел, как спит моя жена, и не верил, что мне выпала такая удача. С появлением Дженни в моей жизни многое изменилось: я стал спокойней, уравновешенней и перестал испытывать судьбу, как это бывало в годы моей юности.

Мы прожили вместе шесть лет. Шесть замечательных, горьких, счастливых и несчастных, коротких шесть лет. Я думал, что мы всегда будем вместе, но наше «всегда» закончилось слишком быстро.

Через четыре года после свадьбы мы решили, что готовы к рождению ребенка. Дженни всегда мечтала о детях, и я был бы счастлив подарить ей ребенка. Иметь маленькую копию Дженни – это то, чего я хотел. Но скоро мы узнали, что нам не суждено стать родителями. После нашего обследования выяснилось, что Дженни никогда не сможет забеременеть. То есть, мы могли и дальше пытаться, могли испробовать всевозможные лечения, но шансов практически не давал никто.

После жестокого вердикта Дженни проплакала несколько дней, и я, как мог, успокаивал ее, хотя у самого на душе кошки скребли. С того момента наша жизнь изменилась: над ней словно нависла тяжелая печать беспомощности и разочаро-

вания.

После долгих разговоров мы решили, что попробуем лечение, хотя и в случае его никто не давал гарантий. Но Дженни настояла, она хотела использовать даже самый мизерный шанс родить ребенка. Прошел еще год, омраченный долгим и болезненным лечением, но никаких результатов так и не последовало. И тогда я попросил Дженни остановиться. Я больше не мог видеть, как в ее глазах всякий раз умирала надежда, когда очередной метод оказывался тщетным.

Оставив бесплодные попытки, нам пришлось смириться и подумать об альтернативе. Я был не против усыновить малыша, но мы решили повременить, так как наше моральное состояние после долгого лечения и многих разочарований было ослаблено. Я предложил Дженни выждать год или два, чтобы боль утихла, и она согласилась. Но что-то сломалось в ней, и Дженни все чаще стала впадать в депрессию, и апатия стала почти постоянным ее спутником. Я уверял себя, что все это временно, что у нас еще все наладится. Мы были молоды, и я думал, что через какое-то время сила духа вернется к моей жене. Когда в нашем доме будет слышен детский смех, пусть и приемного ребенка, свет и жизнерадостность вновь оживет в Дженни.

Но этому не суждено было случиться. Потому что у нас не было времени. Каждый последующий день приближал меня к моменту, когда я потеряю Дженни навсегда.

На следующее утро я просыпаюсь с рассветом, делаю кофе и выхожу к озеру. Над водой гуляет легкий туман, а в зарослях камыша крачки устроили себе гнезда, чтобы произвести на свет новое потомство.

Воздух постепенно нагревается, туман рассеивается, а солнце поднимается все выше в голубом небе.

Допиваю остывший кофе и прикуриваю третью сигарету.

Я думаю о Клем. Как она пережила эту ночь? Все ли с ней будет в порядке? Когда улыбка вновь коснется ее губ?

Мои мысли удивляют меня, сбивают с толку. То, что я чувствую – это забота? Забота о Клем?

Кажется странным испытывать нечто подобное после двух лет эмоциональной пустоты.

Новые чувства волнуют меня, но я гоню беспокойные мысли. Нет, это не то, над чем стоит ломать голову. Это значит не так уж много.

Я возвращаюсь в дом и долго не могу найти себе занятие, чтобы отвлечься. Сегодня воскресенье и мне нужно дотянуть до понедельника, чтобы наконец заняться документами, которые оставила мне мама. Нотариус, мистер Сайлерс, в чью контору обращалась мама, заверил меня, что много времени это не займет.

Я вспоминаю про свой старый мотоцикл, который мне удалось купить в старших классах, занимаясь разными подработками. Я направляюсь в гараж, где накрытая старым брезентом стоит «Ямаха ТРМ 850» выпуска 1991 года. Я

провожу рукой по потускневшим черным бокам, и по моим губам проскальзывает улыбка.

Следующие несколько часов я посвящаю своему старому боевому другу, и к тому времени, как солнце достигает своего зенита, байк вновь готов к покорению дорог.

В ванной я снимаю испачканную масляными пятнами одежду и принимаю душ. После надеваю чистые джинсы и черную футболку; вывожу байк из гаража и вставляю ключ в зажигание. Раздается знакомое, но подзабытое урчание мотора, я опускаю ногу на стартер и вместе с Ямахой мы срываемся с места.

Ветер треплет мне волосы, по венам мчится заряженная адреналином кровь. Воспоминание накрывают меня с головой, и в них нет боли, только легкая тоска, которая служит заправкой к ностальгии.

Я надавливаю на газ, и деревья по обе стороны от меня превращаются в сплошную стену. Я не чувствую страха, это чувство стерлось во мне за тысячи часов полета на испытательных самолетах.

Приближаясь к городу, я вынужден сбросить скорость. Останавливаюсь возле закусочной, чтобы пообедать. Встречаю нескольких старых знакомых и спешу отделаться короткими ответами на поставленные вопросы. После сырного фри и сэндвичей с курицей, я вновь сажусь на байк и принимаю быстрое решение.

Через десять минут я стучусь в дверь к Стивенсам. Мне

открывает Мэри и на слегка удивленный взгляд, я отвечаю, что хотел бы узнать, как дела у Клем после вчерашнего. Мэри отвечает, что Клем у ручья, что позади ранчо, а потом предлагает пообедать. Я вежливо отказываюсь и иду искать Клем.

Она сидит на берегу, обхватив коленки руками, и смотрит на бегущую воду. Я чувствую неловкость, словно я незваный гость, нарушивший ее уединение. Сейчас, с двумя косичками на голове, в клетчатой рубашке и джинсовых обрезанных шортах, она кажется мне еще моложе своего двадцати одного года.

Клем поворачивает голову в мою сторону, но молчит. Ее глаза сухие, но в них нет радости и того задора, который я видел вчера утром.

Я подхожу ближе и нарушаю молчание.

Я должен:

– Позволишь?

Клем кивает, и я опускаюсь рядом с ней на траву.

– Зачем ты приехал? – спрашивает Клем, и от ее пронизательного взгляда мне становится не по себе.

– Хотел убедиться, что ты в порядке, – честно отвечаю я. «И потому, что меня тянуло к тебе».

Мысль вспыхивает в голове – она молнией пронесется в сознании, и это настолько ошеломляюще, что я едва сдерживаюсь, чтобы не вскочить и не сбежать, как трусливый мальчишка.

Мне становится страшно, впервые за долгое время я чувствую, как что-то пока неведомое пугает меня. И эта хрупкая девушка рядом со мной – причина тому.

– Я в порядке. Или буду, – Клем вновь отворачивается и опускает голову на колени. Мы молчим несколько минут, и все это время я борюсь с собой, заставляя себя не пялиться на нее.

Я пытаюсь разобраться в себе, но не выходит. Впервые после смерти жены мне стал кто-то не безразличен. «Нет, не в романтическом плане», – убеждаю себя я. Но все же, Клем заставила меня чувствовать хоть что-то.

– Как долго ты собираешься пробыть в Диллане? – вздыхая, спрашивает Клем.

– Еще не знаю, – пожимаю плечами я. – Это зависит от многих вещей.

– Например?

– Например, сколько времени мне потребуется, чтобы разобраться со всеми делами, которые остались нерешенными после маминой смерти.

– Твоя мать умерла четыре года назад, – выгнув темно-русую бровь, напоминает мне Клем.

– Я помню, Клем.

Мой голос звучит сухо.

– Почему ты не сделал этого сразу?

– Потому, что на то были причины, – я хмурюсь и отвечаю раздраженно. Мне не нравится оборот, который принял наш

разговор.

– Ты всегда такая любопытная? – чуть смягчаясь, вздыхаю я.

– Я просто интересуюсь, – Клем передергивает плечами и поджимает губы.

Мне жаль, что я обидел ее. Не за этим я приехал сюда. Но были вещи, о которых я не хотел говорить.

На самом деле, таких вещей было очень много.

– Вообще-то, я думала, что ты останешься после похорон матери, – внезапно признается Клем, и краска смущения заливает ее щеки.

Ох, не хорошо это! Очень не хорошо.

Я собираюсь с мыслями, подыскивая нужные слова. Но разве они есть? Что я могу сказать ей, кроме того, что это неправильно?

– Клем...

В этот момент появляется Мэри и зовет Клем в дом по срочному делу. Я с облегчением вздыхаю, потому что приход миссис Стивенсон очень вовремя, и мне не нужно объясняться.

– Извини, мне надо кое-что сделать, – Клем вскакивает на ноги и, отряхнувшись от налипшей травы и листьев, убегает прочь.

Еще некоторое время я сижу у ручья, и пытаюсь переварить то, что стало для меня открытием.

Я нравлюсь Клем? Но когда? Как?

Я прав, или же в ее словах заключался иной смысл?

И, даже если у Клем есть некие чувства ко мне, между нами все равно никогда ничего не может быть. Есть слишком много причин для этого.

Она младшая сестра Бена, и это будет предательством по отношению к моему другу. Вместе мы прошли через многое, его семья всегда по-доброму относилась ко мне, и я не могу поступить так с ними.

Еще была моя работа, которая на данном этапе занимала лидирующее место в моей жизни. Одиннадцать месяцев в году я провожу на авиабазе «Лэнгли», в Вирджинии.

Но главная причина тому, почему отношения между нами не возможны – это Дженни. Я до сих пор не отошел от ее смерти, и я не думаю, что это случится в обозримом будущем. Я просто не смогу дать Клем полноценные отношения, потому что мое сердце все еще не свободно, а она заслуживает право быть первой.

Я возвращаюсь к дому, удивляясь тому, что просто рассматривал возможность того, чтобы завязать отношения с Клем.

Нет. Конечно же, это было бы не честно по отношению к ней. Она такая молодая, жизнерадостная и светлая девочка, и, конечно, ей не нужен кто-то вроде меня.

Во дворе я застаю Тима, своего двоюродного брата. Тим и Клем сидят на крыльце и о чем-то весело разговаривают. Они ровесники и, скорее всего, учились в одном классе, но

я не знал, что они друзья.

Я здороваюсь с Тимом, но мой взгляд то и дело переключается на Клем. Она же старается всячески его избегать, очевидно, испытывая неловкость за свои недавние слова.

Она в этом не одинока.

– Люк, так это твой байк у дороги? – с восхищением проносит Тим, и я заставляю себя посмотреть на него.

– Он самый.

– То-то я смотрю, он показался мне знакомым.

– Да, – я киваю. – Пришлось провозиться с ним несколько часов, но теперь он отлично бегаёт.

– Аппарат что надо, – протягивает Тим, не сводя горящего взгляда с мотоцикла.

– Хочешь прокатиться? – внезапно предлагаю я, надеясь, что тетя Рут не убьёт меня за это.

– Конечно!

Тим вскакивает с энтузиазмом, и я передаю ему ключи.

– Только не гони, иначе твоя мать снесет мне голову, – тоном старшего брата предостерегаю я.

– Хорошо, – заверяет меня Тим, но по блеску в его глазах я вижу, что ему не терпится сесть на Ямаху.

– Клем, ты со мной?

– Нет, – Клем улыбается и качает головой. – Что-то не хочется.

Тим уезжает, и мы вновь остаемся одни. Чувство неловкости и недосказанности висит между нами Дамокловым ме-

чом, и я уже жалею, что предложил Тиму проехать.

– Вы с Тимом встречаетесь?

Мой вопрос вырывается внезапно, я даже не успеваю остановить себя, чтобы не произносить этого, но уже поздно.

– Встречаемся? – брови Клем взлетают в изумлении, а потом она начинает смеяться. И вопреки всему, я тоже улыбаюсь, потому что мне приятно слышать ее чистый, звонкий смех. Моя реакция буквально ставит меня в тупик.

– Нет, мы не встречаемся, – отсмеявшись, качает головой Клем. – С чего ты взял?

– Парень и девушка, одного возраста, вместе, – я пожимаю плечами, будто мой вопрос не несет в себе скрытых мотивов. – Просто предположение.

– Мы с Тимом друзья еще с младшей школы.

– Ясно.

На моем лице царит спокойствие, и я ничем не выдаю, что на самом деле это не так. Но, когда Клем подтверждает, что между ней и Тимом только дружба, я испытываю облегчение.

И радость.

Что со мной? Если бы это не было полным абсурдом, я бы решил, что ревную.

Но допустить такое.... Даже на мгновение я не могу себе позволить допустить, что это ревность.

Но уже в следующую секунду где-то очень глубоко в сознании рождается мысль, что лжец из меня неважный. Во всяком случае, себя не обмануть.

Глава четвертая

Вскоре вернулся Бен – как он сказал, они с Тайрой ездили выбирать свадебный сервиз. Вид у друга был довольный, не то, что можно ожидать от мужчины, которого заставили ходить по магазинам в поисках тарелок с цветочками.

Что ж, очевидно, Бен абсолютно счастлив и по уши влюблен в свою невесту. Я мог только порадоваться за друга.

Бен не слишком удивился моему присутствию и не стал расспрашивать о мотивах моего визита. Меня это полностью устраивало. Не хотелось пускаться в объяснения, когда я сам не до конца понимал, что толкнуло меня приехать на ранчо.

– Ты дал Тиму свою Ямаху? – брови Бена подскакивают вверх, а глаза с веселым недоверием обращаются ко мне.

– Да, я это сделал. – Я пожимаю плечами, но про себя уже сомневаюсь, что поступил правильно. Надеюсь, все обойдется благополучно. Не хочется, чтобы мой двоюродный младший брат, за которого я чувствую ответственность, свернул себе шею.

– Что случилось, Люк? – хохочет Бен. – Помнится, ты никого не подпускал к своей «детке».

Я прикрываю глаза на мгновение, вспомнив это нелепое прозвище, которым окрестил когда-то байк. Сейчас это кажется таким смехотворным, и чувствую я себя полным при-

дурком.

Я замечаю, как Клем закусывает губу от смеха и отворачивается, чтобы ничем себя не выдать.

– Ну, это вроде как давно было, – сухо произношу я, но, видя, как откровенно смеётся Бен и усмехается Клем, я тоже не выдерживаю и смеюсь.

– Господи, вы были такими болванами! – внезапно озвучивает Клем, и мы с Беном возмущенно переглядываемся.

– Что, прости? – Бен делает огромные глаза, от чего Клем уже открыто хохочет.

– Мы были крутыми, самыми крутыми парнями в городе! – восклицает Бен, ударяя себя кулаком в грудь.

Очень смелое утверждение с его стороны. В то время мы действительно себя таковыми считали, но серьезно, насколько крутым может быть парень, называющий свой мотоцикл «деткой»?

– Давай, Люк, скажи ей! – друг переводит взгляд на меня, ища поддержки.

Я глубоко вздыхаю.

– Да, мы определенно были крутыми.

Мой голос звучит не слишком убедительно.

– Каждая девчонка в школе мечтала о свидании с нами, – разводя руками, хвастается Бен.

Тут Клем громко фыркает, ткнув в брата указательным пальцем.

– Не завирайся только! Тебе напомнить Марту Шуберт,

которую ты добивался два года, и которая в итоге предпочла тебе ботана?

– А ведь она права, – усмехнувшись, припоминаю я.

Бен смотрит на меня, как на предателя, и я виновато качаю головой.

– Ты-то откуда все это знаешь? – недоверчиво смотрит на сестру Бен. – Это было миллион лет назад, ты тогда малявкой еще была.

Клем одаривает Бена снисходительной ухмылкой.

– Ну и что, я с детства была наблюдательной и у меня хорошая память.

– Ты просто маленькая проныра, – ворчит Бен.

Так, за старыми воспоминаниями и дружным смехом проходит некоторое время. Порой я смотрю на Клем и радуюсь, что вижу улыбку на ее лице. Впрочем, я уверен, что это временно. Позже Клем вспомнит о Корице и вновь будет грустить. Это нормально. Должно пройти какое-то время, когда воспоминания больше не будут вызывать острую боль.

Возвращается Тим, к моему облегчению, полностью невредимый. Его волосы торчат во все стороны после шлема, глаза полны азарта, а на лице абсолютный восторг.

– Ох, это было круто! – восклицает Тим, возвращая мне ключи и шлем.

– Рад, что тебе понравилось. И хорошо, что все обошлось. Не знаю, чем я думал, предлагая Тиму покататься.

И где-то в глубине сознания противный голос тут же об-

личает меня в лицемерии.

Нет, я знаю.

Причина проста: я хотел, чтобы Тим оказался как можно дальше от Клем.

Вот и все.

– Клем, зря ты не поехала, – заявляет Тим, пятерней при-
водя волосы в порядок.

– Возможно, позже, – голосом, начисто лишенным раская-
нья протягивает Клем, и на короткое мгновение ее глаза
обретают контакт с моими.

– Так, стоп! Никуда моя сестра на байке не поедет! – Бен
строго смотрит на Тима, и тот вынужден кивнуть.

– Боже, Бенни, ты такой зануда! – Клем качает головой.
Она специально назвала его детским прозвищем, зная, что
тот терпеть его не может.

Бен кипятится.

– Для начала – никакого Бенни. И если тебе так хочет-
ся острых ощущений, то пошли сегодня с нами на пристань.
Обещают неплохие аттракционы.

– Такие же, как в том году? – морщит нос Клем.

– Нет. Лучше, – заверяет Бен.

Клем вяло пожимает плечами, но соглашается.

– Тим, ты с нами? – Клем с надеждой смотрит на парня, и
тот быстро кивает. Я делаю для себя безошибочное откры-
тие: что бы Клем ни говорила о дружбе, Тим влюблен в нее
по уши. Его глаза, полные обожания, когда он смотрит на

нее, выдают его с головой.

– А ты, Лукас?

Клем обращает свой взгляд на меня, и клянусь, я вижу в нем лукавство.

А в следующее мгновение удивляю сам себя, потому что соглашаюсь.

– Отлично! – Бен хлопает меня по плечу. – Здорово развлечемся.

Это уж точно.

– Вот так это делается! – победоносно заявляет Клем, оставив в сторону ружье и потирая руки.

Она только что выбила все мишени в тире. До нее пробовал Бен, но ему удалось подбить только пять из десяти.

Мы уже минут двадцать находились на пристани, заставленной разными аттракционами и палатками со всякой снедью и сувенирами. Парк развлечений приезжает в Диллан каждый год ровно на месяц, и так было всегда, сколько я себя помню.

Я удивлен. Клем отлично стреляет. За свою меткость она получает большого плюшевого зайца ярко-розового цвета.

– Стрельба по мишеням – мое хобби, – прижимая игрушку к себе, поясняет мне Клем.

Я понимающе киваю, хотя мне и кажется удивительным, что такая хрупкая на вид девушка, как Клем, увлекается стрельбой.

– Ладно, теперь моя очередь, – решаю я.

Стрелять я умею. Когда учился в лётной школе, мы с приятелями часто ходили на полигон и устраивали соревнования. После смерти Дженнифер я делал это, дабы выпустить пар и забыться, пусть и на несколько минут.

Я кладу приклад на плечо и навожу прицел. Через минуту, сбив все мишени, я получаю плюшевого коалу и дарю его Тайре, чтобы она не чувствовала себя обделенной.

Девушка с благодарностью улыбается мне.

– Я тоже попробую, – вызывается Тим, но ему удастся сбить только четыре мишени. Парень понуро вздыхает, а Клем начинает подбадривать его.

Наблюдая за ними, я вижу, как близки эти двое. Наверное, из них вышла бы неплохая пара, но все же они до сих пор остаются друзьями.

Я раздумываю о причинах того, почему Тим и Клем не вместе, хотя не сомневаюсь, что парень по уши влюблен в неё.

Возможно, все дело в том, что Клем не испытывает к нему того же?

Вокруг нас сверкают огни аттракционов, звучат голоса сотен людей и раздаётся детский смех. Кажется, что сегодня весь город собрался на пристани. Но пройдет несколько дней, и ажиотаж спадет, как это всегда бывает. Потом, в конце августа, парк развлечений уедет, чтобы вновь вернуться через год.

Мы решаем перекусить, потому что трудно бороться с дразнящими ноздри ароматами, витающими в воздухе. Пахнет свежеприготовленными чизбургерами, корн-догами, воздушной кукурузой и сладкой ватой.

В палатке с едой каждый из нас берет то, что хочет, и мы садимся за деревянный столик, чудом оказавшимся свободным.

Вечер очень теплый и ветра почти нет, что редкость для побережья. Мы едим не спеша, разговариваем и смеемся. Удивительно, я чувствую себя вполне комфортно, как это бывает, когда вы оказываетесь в кругу старых друзей.

За сегодняшний день я почти не думал о Дженни, и я не знаю, хорошо это или плохо.

Вспомнив об этом сейчас, я жду новой волны вины и сожалений, но, к моему удивлению, этого не происходит.

Внезапное открытие радует меня, и я усмехаюсь. Ловлю на себе взгляд Клем, разгадать который не могу. Вопреки моему ожиданию, она не спешит отвести взгляд, и мы продолжаем смотреть друг на друга.

Мне кажется, что внезапно вокруг все исчезает, и здесь, сейчас, есть я и она. Это длится несколько секунд, а потом Бен встает из-за стола, и реальность вновь возвращается.

– Ладно, ты меня уговорила, – тяжело вздыхает мой друг, беря свою невесту за руку. Тайра радостно визжит и вскакивает следом.

Я отвлекся и не слышал, как Тайра просит Бена пойти с

ней в туннель ужасов.

– Кто с нами? – Бен с надеждой смотрит на нас, но я усмехаюсь и качаю головой.

– Нет, я пас. Я слишком стар для этого.

– Если я не стар для этого, то и ты тоже, – хмыкает Бен. – Клем?

– Не-а, – сестра Бена ниже сползает на стуле и скрещивает руки на груди. – Знаю я этот туннель ужасов: дряхлый скелет и мумия в старых лохмотьях. Не привлекает.

Тайра уводит обреченного Бена, и за столом нас остается трое. Тим что-то говорит, и Клем поддерживает беседу, но я вижу ее рассеянность.

Возможно, мне стоило пойти с Беном и Тайрой?

Чувствуя неловкость и некоторое напряжение, я достаю из кармана пачку сигарет, но здесь запрещено курить, поэтому просто верчу ее в руках.

– Эй, да это же Джефф! – вдруг восклицает Тим и встает на ноги. – Извините, ребята, но мне нужно с ним поговорить.

После ухода Тима неловкость и напряжение между нами усиливаются. Я уже клянусь себя за то, что не пошел с Беном, и мне чертовски сильно хочется закурить, когда Клем внезапно усмехается и, чуть поддавшись вперед, произносит:

– Нервничаешь?

Я киваю.

– Есть немного. Ты... иногда ты ставишь меня в тупик своими вопросами, – откровенно говорю я, проводя рукой

по коротким волосам. Военная жизнь обязывает всегда носить короткую стрижку, хотя сейчас из-за отпуска волосы немного отросли.

Как так вышло, что я, тридцатилетний мужик, многие годы управляющий новыми моделями истребителей, чувствующий себя абсолютно спокойно в воздухе на высоте нескольких десятков километров, нервничаю рядом с этой девушкой?

Я уже понял, что Клем Стивенс была другой, не похожей на большинство девушек своего возраста. Я только еще не разобрался, в чем же была ее исключительность.

– Ты не первый, кто так говорит, – вздыхает Клем. – Но тебя беспокоит то, что я сказала, правда? – Клем как-то робко улыбается, и я невольно думаю, как ей идет эта улыбка.

– Клем... – я замолкаю на полуслове, не зная, какие должен слова подобрать.

Как долго я в Диллане? Два дня. Два дня, и вот я полностью дезориентирован и выбит из колеи этой девушкой напротив себя. Два года я жил в эмоциональном коконе, только так справляясь с потерей Дженнифер. Менее двух дней понадобилось Клем, чтобы разрушить так тщательно возводимую мной стену отчуждения.

– В детстве я была по уши влюблена в тебя, – все с той же осторожной улыбкой выдыхает Клем, пока я думаю, что ей сказать.

Что я должен сказать? И о чем ни следует говорить нико-

гда?

Но у Клем талант всякий раз изумлять меня.

«Ох, Клем, что же ты делаешь? Зачем усложняешь все, когда и так все запутанно?»

– Я не знал, – тихо признаюсь я.

Клем пожимает плечами.

– Откуда тебе было знать? Я была просто ребенком, младшей сестрой Бена. Вы были полностью погружены в свои взрослые, серьезные дела.

Обдумывая слова Клем, я понимаю, что она права. Мы действительно были подростками, занятыми своими проблемами взросления, и я редко обращал внимания на молчаливую девочку, которой она когда-то была.

– Банально, правда? – Клем приподнимает свою правую бровь, с усмешкой глядя на меня.

– Что именно?

– То, что я девчонкой влюбилась в лучшего друга своего брата.

Клем вдруг начинает рассматривать свои ладони, и мне кажется, что она жалеет о своей откровенности.

– Возможно, – я вздыхаю. – Но, Клем, разве вся наша жизнь не сплошная череда банальностей и клише?

Я улыбаюсь ей, чтобы подбодрить, чтобы она не винила себя за то, что открылась мне.

Мне хочется быть добрым с Клем, ведь она заслуживает только хорошего обращения.

Я знаю, что, возможно, мне еще придется причинить ей боль, как бы сильно мне этого не хотелось.

Но что, если у меня не будет выбора?

Я откидываюсь на спинку деревянного стула и озираюсь по сторонам.

Скорей бы Бен с Тайрой вернулись.

Или Тим.

– Думаешь, ты когда-то сможешь... вновь быть счастливым? – голос Клем звучит тихо, и я едва различаю его сквозь шум вокруг.

Ее голова опущена, и через трубочку она потягивает свою колу, но я догадываюсь, что Клем просто избегает смотреть мне в глаза.

У Клем феноменальная способность ставить сложные вопросы.

– Я не знаю, – честно отвечаю я, с трудом узнавая свой голос. Мне кажется, чья-то невидимая рука сдавила мне горло. Я не могу открыто говорить о Дженни, но чувствую, что Клем хочет поговорить именно о ней.

Я знал, что рано или поздно это случится: кто-то обязательно поднимет тему моей покойной жены. Но всякий раз, когда это случается, я готов взорваться. Даже спустя два года я не готов обсуждать то, что произошло. Ни с кем. Даже с Клем.

Тем более с Клем.

– Не знаешь? – Клем оставляет в покое свою колу и под-

нимает взгляд на меня. – Но разве не естественно предположить, что однажды ты будешь счастлив? Тебе ведь только тридцать, так что...

– Черт возьми, Клем, я не знаю! – я повышаю голос и сжимаю руки под столом.

– Знаешь, не все люди на этой планете счастливы, – зло цежу я, пока Клем с примесью обиды и упрямства смотрит на меня. Моя вспышка раздражения так сильна, что я тут же забываю, что еще совсем недавно не хотел делать Клем больно. Поэтому я наклоняюсь вперед и продолжаю свою злобную тираду:

– Возможно, если ты снимешь свои розовые очки, то увидишь, сколько дерма вокруг! Перестань быть таким ребенком! Пора взрослеть, Клем.

Я замолкаю, а мое сердцебиение гулом отдается в ушах. Мое раздражение начинает понемногу испаряться, и на смену ему приходят муки совести.

Рот Клем упрямо сжат, но нижняя губа подрагивает, будто она вот-вот заплачет.

Я чувствую себя полным куском дерьма!

– Клем, извини, я не должен был...

– Иди в задницу, Люк! – резко обрывает меня она, и мои глаза становятся огромными от ее отповеди.

Что ж, лучше это, чем слезы.

– Не думай, что я идеализирующая мир дурочка! – Клем хлопает рукой по столу, а ее глаза возмущенно сверкают. На

нас с любопытством посматривают с соседних столиков, но ей нет до этого дела, и она продолжает:

– Я в курсе, что мир далек от идеала. Но знаешь что? В следующий раз, когда будешь себя жалеть, вытащи свою голову из задницы и подумай, что не одного тебя жизнь наградила дерьмом.

Клем резко поднимается и скоро скрывается в толпе. Я более чем шокирован, чтобы следовать за ней.

В понедельник утром я собираюсь в офис мистера Сайласа. Я хмурюсь, находясь не в самом хорошем расположении духа. После нашей ссоры Клем попросила Тима отвезти ее домой, сославшись на головную боль, и нам больше не удалось поговорить.

Впрочем, вчера было сказано достаточно. И я все еще сердился на нее. И на себя.

Пока брился, умудрился три раза порезаться. О том, что на моем лице все еще остались кусочки туалетной бумаги, мне сообщила секретарша в приемной Гордона Сайласа.

Будто я чувствую себя недостаточно идиотом.

В офисе я провожу около часа, и мы обговариваем положение дел на данный момент. Прежде, чем я смогу продать дом, мне придется оформить чертову кучу бумажек. Если бы я взялся за это сразу после маминой смерти, все было бы проще. Но теперь я лишь могу называть себя придурком, что

не сделал этого тогда.

От юриста я отправляюсь на Роуз-стрит, где Бен и его бригада делают ремонт в старом особняке Кренстонов. Друг пригласил меня воочию посмотреть, чем он зарабатывает на жизнь.

По дороге к особняку я прикидываю, как спросить Бена про Клем и при этом не вызвать подозрений.

Особняк Кренстонов один из самых старых в Диллане. Когда-то Кренстоны были самой богатой семьей в городе, но с каждым поколением денег становилось все меньше, пока не осталось вообще ничего и немногочисленные потомки не покинули эти места. Бен рассказывал, что его фирма купила дом чуть ли не по самой смешной цене, и, когда будет произведена реконструкция, доход от продажи превысит затраты в несколько раз.

Я застаю Бена в самый разгар работы. Он сдирает старые панели в большой гостиной на первом этаже. Где-то наверху слышатся удары молотка.

– Так это и есть великий особняк Кренстонов? – после приветствия говорю я, с интересом осматриваясь. На самом деле, везде видны следы активных ремонтных работ – ни намека на какое-либо величие.

– Хах, поверь, когда мы закончим, этот дом будет конфеткой, – убеждает меня Бен. На нем старые джинсы и майка, пропитанная потом и пылью.

Я с готовностью киваю.

– Верю.

Несколько минут мы обсуждаем мой визит к нотариусу, а потом ради забавы соревнуемся в умении забивать гвозди. Надо отдать Бену должное: он опережает меня, хоть и на долю секунды.

У Бена холодное пиво в переносном холодильнике, и мы выпиваем по бутылке, сидя на подоконнике большого витражного окна.

– Слушай, не обращай внимания на Клем, ладно? – вдруг говорит Бен, ковыряя ногтем этикетку бутылки.

– Ты это к чему? – я вскидываю брови, не зная, сама Клем ему что-то рассказала или Бен догадался.

– Ну, Клем иногда заносит, я-то уж знаю, – Бен как-то виновато улыбается. – Порой, она говорит, не подумав, а потом раскаивается.

Бен тяжело вздыхает, будто на него возложили непосильную ношу.

– Я знаю, что она тебе вчера кое-чего наговорила.... Извини, она не должна была.

– Мы оба погорячились, – отпив из бутылки, признаюсь я. – Все нормально, не парся.

Я улыбаюсь, и хлопаю друга по плечу.

Лицо Бена облегченно расслабляется.

И в этот момент мы слышим громкое чертыханье в холле. Через пару секунд Клем, переполненная возмущением, вносится в комнату.

– Бенджамин, черт возьми, я в последний раз привожу твой ланч! Мне надоело работать твоим курьером, потому что твоя бестолковая голова...

Тут Клем замечает меня и резко замолкает, а мгновение спустя я вижу, как щеки ее заливают румянцем. Мы смотрим друг на друга, и, даже зная, что Бен может догадаться о моих чувствах к Клем, я не могу отвести от нее взгляд.

Потому что она прекрасна.

Черт возьми, я хочу все время смотреть на нее!

Впервые я вижу Клем в платье: оно сиреневое, длиной выше колен и, скорее всего, делового стиля. Я в этом не особо разбираюсь. Но оно чертовски идет Клем. Волосы ее совершенно ровные и свободно лежат на спине. А еще Клем на каблуках. Прежде я не видел ее на таком высоком каблуке.

Клем – женщина.

Только в этот момент я совершенно четко осознаю, что Клем женщина, а не ребенок.

Прекрасная, красивая женщина передо мной.

Вчера я сказал, чтобы она повзрослела, но был не прав. Клем давно перестала быть ребенком, только я все убеждал себя в обратном.

– Я не видела... твоей машины, – нарушает затянувшееся молчание Клем, сделав глубокий вздох.

– Я подъехал с обратной стороны.

Клем кивает, но между ее бровей залегает хмурая складка, будто Клем в растерянности.

Наверняка она не ожидала меня здесь застать, а после вчерашнего не желает меня видеть.

Я даю себе мысленного пинка.

– Так что ты там возмущалась? – Бен направляется к сестре, забирая у нее бумажный пакет с обедом.

– Я тебе в служанки не нанималась, – Клем смеряет его уничижительным взглядом. – Уже третий раз за последние две недели я вожу тебе ланч, потому что ты его забываешь. Между прочим, я трачу время из своего обеденного перерыва.

– Ладно, сестренка, не будь такой занудой, – Бен широко улыбается сестре. – Одна твоя улыбка мистеру Моссу, и все будет отлично.

Клем фыркает.

– Знаешь, моему боссу совершенно нет дела до моих улыбок, – заявляет Клем.

Я думаю, что мистер Мосс, кем бы он ни был, полный болван.

– И вообще, Бен, я серьезно. В следующий раз заказывай пиццу, ее доставщик хоть деньги за это получает.

Клем все еще выглядит возмущенной, но запал пропал.

В этот момент раздается звонок телефона, и Бен достает мобильный из кармана джинсов. Глядя на экран, он улыбается, и я не сомневаюсь, что звонит Тайра.

– Привет, любовь моя, – мурлычет в трубку Бен, на что Клем закатывает глаза, а я усмехаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.